

Александр Куприн

Рассказ о рыбке «раскасс»

Александр Иванович Куприн

Рассказ о рыбке «раскасс»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2547595

Аннотация

«Сейчас я объясню это несколько неуклюжее заглавие.

Многим любителям вкусно и пикантно покушать должно быть известно название острого жесткого провансальского супа, или, если хотите, южной ухи – «буйабез». Жгучее блюдо это требует очень сложного приготовления, потому что в него входит великое множество составных ингредиентов, являющихся иногда секретом как шикарного ресторана, так и маленького, но знаменитого кабачка...»

Содержание

Александр Иванович Куприн

Рассказ о рыбке «раскасс»

Сейчас я объясню это несколько неуклюжее заглавие.

Многим любителям вкусно и пикантно покушать должно быть известно название острого жесткого провансальского супа, или, если хотите, южной ухи – «буйабез». Жгучее блюдо это требует очень сложного приготовления, потому что в него входит великое множество составных ингредиентов, являющихся иногда секретом как шикарного ресторана, так и маленького, но знаменитого кабачка.

В марсельский буйабез, насколько помню, включаются, кроме обычного основного навара из всякой съедобной рыбы, еще: лангусты, омары, устрицы, мули (мидии по-одесски), крабы, речные раки, морские ежи, морские звезды, морские коньки, конечности и глаза осьминога, спрута, моллюски, называемые кловисс, виолет и иначе, томаты, лимонные корки, кайенский свирепейший перец, всевозможные пряные травы и прочие возбуждающие приправы, очень много шафрана, лука и наконец пропасть крепкого провансальского чеснока, добрым ароматом которого пропитаны все старинные узенькие улицы древних южных городов.

Чем пышнее и торжественней буйабез, тем больше в нем составных частей и тем огненнее воздействие на рот, горло, пищевод и желудок. Конечно, рецепт этой дьявольской ухи может быть чрезвычайно разнообразным, но главная часть ее, без которой блюдо совершенно немыслимо, это – неважная на вид, белесая маленькая рыбка, называемая для русского уха очень странно – «раскасс».

Этот «раскасс» необычайно костист: куда нашим ершу, окуню и лещу. Все его тело кажется унизанным и насквозь пронизанным мелкими многогранными кубиками, снабженными чертовским множеством острых и тонких шипов. Есть «раскасс» не решаются даже голодные кошки, но навар из него придает буйабезу вместе с крепостью настоящий марсельский тон, вкус и шик.

По-французски «раскасс» пишется: «Rascasse», а иногда даже «Raskase». Она принадлежит к семейству Scorpene, члены которого за свою колючесть и за устрашающий внешний вид повсеместно зовутся «diabls de mer», или «морскими чертями».

Я жил тогда на южном побережье Прованса, в тех местах, где древний департамент Вар омывается водами Средиземного моря, вблизи от Тулона. На вершине мыса Гурон стояла наша ветхая полукаменная, полу деревянная рыбацья хижинка, вся дырявая от времени. Прежний ее обитатель, одинокий рыбак, мсье Луи, пьяница и настоящий поэт в душе, просверлил в этом «кабано» два круглые отверстия: одно в

ставне, другое – в рухлой двери; верхнее для себя, чтобы во всякое время дня и ночи и во всякую погоду видеть из него море, а дверное – как свободный вход и выход для черного большого кота. С этим котом он никогда не расставался и – страшный лентяй – ловил рыбу в таком строгом количестве чтобы хватило, в обрез, ему и черному другу. Кот разнообразил свой стол лесными мышами. Человек был умереннее.

Луи жил аскетически: кровать – из досок, подстилка – из пиджака и шапка в изголовье. Он был куда счастливее и свободнее нас, доведя свои земные потребности до самого скудного размера; мы же были связаны кастрюльками, керосинкой, деревянным столом и деревянными двумя табуретками; провизию же нам привозили два раза в неделю из местечка Лаванду, где была железнодорожная станция. Да! как все-таки связывала земля, со многими ее прельщениями.

Таких рыбацких «кабано» было множество рассеяно по морскому берегу, но ни одного хоть сколько-нибудь похожего на нашу чудесную полуразваленную лачужку. Это были кабано для рыбаков – любителей и миллионеров, прочно построенные из кирпича, часто с бетонной облицовкой, выстроенные в стиле итальянском, английском и швейцарском, с верандами, обнесенными колоннадой, с мозаичными узорами по стенам, с графитными крышами, и хотя и об одном этаже, но с затейливым флюгером.

В осенний сезон, когда спадают нестерпимые южные жары, когда так радостно освежает тело морское купанье, когда

зацветают в третий раз розы, когда на виноградных плантациях женщины и мужчины торопливо собирают в корзины и телеги крупные, тяжелые гроздья цвета аметиста, сапфира, желтого топаза, янтаря и бледного хризолита, когда стихают капризные южные ветры и исчезают проклятые москиты, – тогда приезжают на прованские мысы богатые толстосумы, счастливые владельцы прекрасных, кокетливых «кабано» со своими городскими семьями, нередко с приглашенными и близкими друзьями. О! (здесь надо читать французское Oh!) ловить рыбу на удочку в каникулярное время, да еще на лоне природы – это ли не сладкая мечта, золотая греза, сказочное блаженство, высшая радость для каждого французского буржуа?

Моим ближайшим соседом на мысе (всего пятьдесят шагов расстояния) был господин Шарте, директор банка из Марсели, имя у него было настоящее марсельское – Мариус. Приехал он в начале сентября, с женой, с тремя миловидными дочками, лет от тринадцати до девятнадцати и с двумя славными мальчуганами, четырнадцатилетним Фернандом и Полем (Пополем), лет семи.

Пока чистилось и проветривалось кабано – вилла в помпейском стиле, пока профессиональные рыбаки чинили собственную лодку господина Шарте и пока они не пригнали ее в Гурон из Лаванду, где обычно зимовали все эти мелкие суденышки, – живой, как обезьянка, быстрый, как уклейка в воде, маленький Поль уже успел зарекомендовать себя

отчаянным рыболовом. Приморская сторона их виллы была загромождена большими дикими камнями, наполовину утопавшими в воде, – прибой пенно разбивался о них и уходил, оставляя извилистые ручейки и маленькие лагуны, в которых сновала серебряная рыба мелюзга, ходили боком крошечные крабы и неуклюже двигались, бурля воду, небольшие темные спруты. Пополь всегда тянуло в этот каменный хаос. Он залезал на прибрежные корявые скалы, на камни, на остатки проржавленных рельс и старался, при помощи своих нижних легких штанишек, вытянуть какое-нибудь живое водное существо. Только и слышны были сердитые оклики сверху: «Где ты, Поль? Куда ты, Пополь? Ты негодный мальчишка, Пополь!»

Однажды он умудрился забраться чуть ли не на самый пик мыса Гурон. На этот раз он был вооружен не жалкими сквозными панталончиками, а вполне солидной рыболовной снастью: длинной камышовой палочкой и привязанной к ней красной бечевочкой от «Галери Лафайет». Он долго не склонялся на просьбы и приказания слезть вниз. Но когда сестры и брат обошли его и окружили сжимающимся кольцом, он принужден был сдаться. Старшая сестра была так жестока, что сломила пополам его камышовое удище. И тут бедный Пополь сел на большой камень и свернулся комочком так, что сам стал похожим на маленький черный камешек, и горько заплакал навзрыд. Его увели домой.

Но с этой минуты он стал нежнейшим другом моего серд-

ца, хотя об этом он никогда не узнал, а всю печальную сцену его позора я видел из окошка моего кабано. Но никому не сказал.

Вскоре почтенная госпожа Шарте со своими тремя хорошенькими дочерьями уехала на один из модных французских пляжей. Трое мужчин остались одни на мысе Гурон, предоставленные самим себе. Конечно, для мальчуганов эта свободная жизнь была полна новых прелестей. Подумайте: вставать на ранней заре, готовить самостоятельно завтрак и обед, мыть посуду и белье, целые дни проводить на море или в лесах – что же может быть счастливее такого полужвериного существования?

Но всего приятнее было глядеть на самого папашу Шарте. Оторвавшись наконец от своих магических гроссбухов, несгораемых шкафов, валютной биржи с ее повышениями и понижениями, от чеков, переводов, нетто и брутто, от капризов клиентов и нерасторопности корреспондентов, – от всей банковской кабалистики, от которой болят глаза и пухнут мозги, – Мариус Шарте с восторгом впивался, всасывался в наивные фантастические игры на свежем благоуханном южном просторе. Недаром же он был коренной марселец! Мне казалось, что в своем искреннем, пылком и наивном одушевлении он перегонял собственных мальчуганов.

Часто все трое, в сопровождении дачных знакомых ребятшек и местных уроженцев, черных от загара мальчуганов, отправлялись в соседние пампасы, лианосы и непроходимые

тропические леса. Шли в ниточку, индейским крадущимся шагом и, как дикари, подавали знаки криками совы, воем волка, карканьем ворона. Играя в мальчика с пальчика, они для возвратного пути вешали тряпочки на деревьях или бросали камешки. Играли еще в войну и в Робинзона со многими Пятницами.

Я с величайшим интересом наблюдал за тем, как директор богатого банка оттачивал поварские деревянные ножи в роли людоеда-великана, как грозно размахивал он томагауком во время священной «пляски войны» и как громко он кричал на весь лес: «Угу! Угу!» Он искренно жалел, что запрещено было разводить огонь в этих лесочках, где смолистые, пропитанные скипидаром южные сосны являлись самым горючим матерьялом на свете...

Но вот пришла наконец из Лаванду рыболовная лодка господина Шарте и ошвартовалась в затоне между камнями. Конечно, сухопутные игры и приключения вскоре опреснели и потеряли увлекательность. Долой детские забавы! Наступило суровое время рыбного промысла с неизбежными опасностями и строжайшей дисциплиной.

В эту пору мы и познакомились с г. Шарте, и тот с любезной охотностью показывал мне свою лодку, со всеми ее рыболовными снастями и морскими принадлежностями.

Лодка была весьма вместительна, широкоребра и толстопуза. Вернее всего, она подходила к типу плоскодонного баркаса. Если бы к ней пристроили свинцовый киль, пудов в сто

весом, она, пожалуй, годилась бы для ловли селедки в мелководных ближайших водах; теперь же ее дно, для плавучести, было нагружено камнями. Она была валкая, но держалась на воде преисправно и храбро.

Я однажды, рискуя и боясь наткнуться на большую неприятность, сказал с серьезным видом:

– А не кажется ли вам, мсье Шарте, что ваша лодка, по своему строению, – настоящий китобой, конечно, уменьшенного размера?

Он поглядел на меня испытующим взором, но на моем лице не было и тени насмешки, хотя, признаться, китоловные суда я видел только на картинках в словаре Брокгауза и Ефрона.

– Вы правы, – сказал он спокойно, – суда этого типа всегда меня очень интересовали. Рано или поздно, я и мои молодые моряки, мы погоняемся за китами в гренландских водах. У меня в коллекции славные гарпуны. Но для этой забавы нужно много свободного времени, а отпуска мои слишком коротки. Да и дети мои еще не совсем подросли для такой тяжелой экскурсии. Надо подождать лет шесть или семь...

Лодка называлась, конечно, «Marseille», и, будь она парусной, будь она не такой неуклюжей постройки, будь, наконец, вся эта морская затея делом серьезным, а не детской восторженной игрой, – то на ней, заручившись предварительно спокойной погодой, запасшись водой и провизией, смело можно было бы отважиться на рейс Марсель – Аячио и по

пути половить рыбу в глубоких водах. А то ведь, право, и досадно и жалостно было глядеть на бутафорские корабельные богатства «Марсели»: на компасы, секстанты, морские бинокли, на книги по лоции и навигации, на большие спасательные круги и мореходные карты, на великое богатство и разнообразие всевозможных сетей, острог, искусственных мушек, жучков и стрекоз, на собрание удилищ, лесок, крючков, поплавков и грузил, на всяческие блесны, жерлицы и тому подобные рыболовные принадлежности.

И горько бывало подумать о том, что все эти дорогие вещи, прелесть и соблазн для настоящего рыболова, бездейственно и аккуратно лежат и висят в кабинете банкира, в его нарядном кабане.

Иногда мы с г. Шарте, сидя у него или у меня на крылечке, вечерней зарею, когда низко над нами летали с тихим визгом стрижи, говорили о всяких рыбах и о разных рыболовных случаях. Вернее, говорил один он... Есть в мире два города, в которых все по качеству и количеству, по красоте и по вкусу в десять раз лучше, чем в прочих городах вселенной. Это – Тифлис и Марсель. Напрасно я порою пытался вернуть какой-нибудь рассказ из моей давней рыбацкой балаклавской практики, например: о мелкой камсе, которую ловят сотнями тысяч, бросая на нее с высокого берега веерообразный намет; о серебряной скумбрии, о жирной кефали, о пышноцветном морском петухе, о морском ерше с ядовитыми колючками, о головастом лобане; о рыбке султানে, по-гречески

– барбуни; она так вкусна, что о ней сложилась поговорка: «Кошка никогда не ест голову барбуни. – Почему? – Потому что рыбак сам ее съедает»; об остроносой хищной пирамиде; о большой крупной камбале и о ее ближайшем родственнике, маленьком, но очень вкусном глосе; о бычках черных и рыжих... Нет! Шарте меня очень плохо слушал, и все переводил разговор на свое родное Средиземное море и на Марсельскую бухту.

Но черноморская белуга пробила наконец и его патриотическое равнодушие.

– Сколько, вы сказали? – переспросил он меня. – Шестьсот сорок кило?

– Именно столько. По русскому счету – сорок пудов. Считаю пуд в шестнадцать кило; выходит шестьсот сорок килограммов с лишком.

– Но простите! Шестьсот сорок! Это невероятно! И вы сами когда-нибудь вытаскивали из моря рыбу такого веса?

– Нет, этим я не могу похвастаться. Самый большой белужонок, которого мы поймали за тридцать верст от берега, против мыса Фиолент, весил всего полтора пуда. В большой зимней ловле мне, к сожалению, участвовать не приходилось. Белуг в десять – двадцать пудов я нередко видел в Балаклаве. Но сорокапудовую видел только однажды, в Одессе, на выставке черноморского рыболовства. Эту сорокапудовую замороженную белугу выставял хозяин больших рыболовных промыслов – Дубинин. Я сам видел деления на ве-

сах и, кроме того, сертификат биржевого рыбного комитета: шестьсот сорок кило; сорок пудов!

Шарте задумался, несколько раз покачал головой и переспросил:

– Как вы называете вашу гигантскую рыбу? Кажется, ле белюга?

– Так точно.

Он еще раз повторил вполголоса это дикое для его слуха название и вдруг вспомнил:

– О! Это слово мне знакомо. Ле белюга!.. как ее назвал *m-eur Auguste Dupouy*, в “*Depêche de Brest*“ и в „*Paris-Midi*“?

– Совершенно верно. Такая рыба действительно существует. Водится она в Черном и Каспийском море. Отдельные ее экземпляры могли, пожалуй, через Дарданельский пролив попасть в Средиземное море... Во время нереста белюга входит в пресноводные дельты больших рек и питается всякой речной зеленью; во все другое время она живет в морях, где пищей ей служат мелкая рыбешка и разные слизняки... Рыбаки жалуются на паламиду: хорошо, пусть бы она, подлая, только жрала рыбу, но в том-то и беда, что она, стерва, чего съесть не может, так раскромсает на куски своей ужасной пилой... Вот не эту ли паламиду имел в виду Огюст Дюпуи, говоря о белуге? Между тем писатель в своих статьях не раз ссылался и на меня, вернее сказать, на мою книжку «Лейстригоны», в которой я описываю нравы балаклавских рыбаков и разные способы их ловли. Опираясь на мое свиде-

тельство, он утверждает, что в Балаклаве ловят белугу донным переметом на крючки, наживленные мелкой рыбой, и что белуга не только съедобная рыба, но еще и вкусная и дешевая.

– Стойте, стойте, – перебил меня г. Шарте. – Видите ли, из бюро газетных вырезок мне посылают все, касающееся рыболовства, и имя ваше, признаюсь, мне не ново, как не новы и статьи Огюста Дюпуи. Теперь я вспоминаю, что ваше имя, мнемоническим путем, я сочетал с именем великого французского композитора восемнадцатого столетия, которого звали Соирегш. Простите, я не особенно хорошо расслышал ваше имя, когда познакомился с вами. Oh! *Chèr maître!*¹ Теперь моя лодка и весь мой экипаж всегда будут к вашим услугам. Мы будем горды иметь на борту нашей скромной «Марсели» такого достойного гостя, да еще знаатока рыболовного искусства. Вы наш гость, мсье! В первое утро, когда позволит погода, мы отправляемся с вами в открытое море. Не так ли? Надеюсь, что, как опытный моряк, вы не особенно страдаете от морской болезни?

Я и раньше в достаточной степени успел познакомиться с рыболовными успехами рыбацкой лодки «Марсель» и ее экипажа. Они нередко возвращались из моря мокрые насквозь, но с пустыми руками; их сети и вся снасть бывали настолько перепутаны, что распутывать их приходилось профессиональным рыбакам в Лаванду. Иногда же, правда, им удава-

---

¹ Дорогой учитель! (*фр.*).

лось привезти штук пять-шесть безымянных рыбешек, весьма похожих на наших бело-зерских снетков. И надо было видеть, с каким важным и усталым видом, с гордо оттопыренными локтями, деловито и небрежно возвращалась домой, в шикарное кабано рыболовная компания «Мариус Шарте и сыновья» – трое морских волков.

Наступил наконец день, когда Шарте-старший решил взять меня с собою в море.

Приказано мне было, чтобы завтра, рано, при первом слабом свете, я был уже готов и дожидался около лодки. Мне предоставили выбор снасти из богатого рыболовного материала «Марсели», я заранее успел соорудить простой аппарат, который в Одессе называется самоловом и который, кажется, во Франции или, по крайней мере, на ее юге, совсем не употребляем. Самолов наивное, но, без привычки, и не легкое орудие.

Вот его схема: на крестообразную деревянную вертушку намотан моток тонкого английского шпагата, с таким точным расчетом, чтобы бечевка разматывалась легко и послушно. К свободному, донному концу самолова слева и справа, на расстоянии в пол-аршина, привязаны небольшие, так в четверть аршина, удильные лески, снабженные мелкими крючками, наживленными чем угодно: катышками хлеба, мухами, червяками, кусочками мяса. В самом же низу – свинцовое маленькое, но тяжелое грузило: вот и весь прибор.

Я пришел не только вовремя, но, пожалуй, и пораньше.

Чуть-чуть в сизо-дымчатом утреннем тумане едва зарозовела начальная робкая тихая заря. Рыболовная артель – трое мужчин Шарте уже спускались вниз, к морскому берегу, и гравий скрежетал под их подошвами. Мы вывели лодку из ее крошечной стоянки на свободную воду и стали рассаживаться.

Настоящая дисциплина и строгая иерархия царила на «Марсели»: папа, Мариус, был капитаном судна и в то же время штурманом дальнего плавания; старший сын – Фернанд – нес одновременно три обязанности: боцмана, матроса и младшего помощника капитана. Маленький бойкий Поль (или ласковее – Пополь), еще не выслуживший титула матроса, назывался просто «mousse», то есть молодым юнгой.

Меня же капитан, без всякой церемонии, тут же на месте произвел в звание шкипера каботажного плавания, с должностью старшего помощника капитана. Я не возражал. Да и разве в море уместны какие-либо возражения?

Капитан Шарте греб, постоянно вертя голову назад, к носу лодки. Юный Фернанд молча, но усердно и ловко раздроблял между двумя плоскими камнями раковинки набранных им на берегу слизняков и собирал их маленькие тельца в жестяную коробку от консервов; это была наша привада и наживка.

Мне вручили шпагатный конец от «блесны»; я даже и не подозревал, что этот аппарат, которым у нас ловят жадных и наглых щук, – употребляется на юге Франции. У маленького

Пополя была в руках тоже блесна, но более простого устройства: деревянная гнилушка на нитке – и больше ничего. Напрасно мы оба держали наши удочки и на воде и под водою: ни одна рыба не обратила на нас внимания.

Прелестно было то, что вся эта морская рыболовная игра разыгрывалась с глубокой верой в ее важность и правдоподобность. Я не помню, кому принадлежит это изречение: «Большие дела можно делать шутя, но играть надо серьезно». Особенно увлекательно и серьезно играл, из нас троих, папаша Шарте, у которого уже давно начали серебриться виски. Как прилежно разглядывал он в длинный бинокль морские дали; как, постучав слегка по стеклу компаса, он неодобрительно и тревожно покачивал головой и как деловито он за воображаемые промахи шлепал свою молодую команду по упругим задушкам.

Обходили мы какую-то высоко торчащую из воды ноздреватую дикую скалу, и Шарте-старший, перестав грести, рассказывал нам:

– Этот мыс называется мысом Табак. В бурные черные ночи, когда таможенная команда сидит по своим безопасным жилищам, к этой скале подплывают итальянские контрабандисты. Видите ли вы на высоте эти страшные уступы, щели и темные гроты? Только железные ноги опытного контрабандиста могут вскарабкаться на эти суровые и недоступные высоты. Там-то в гротах и туннелях они и оставляют свои узлы и пакеты с табаком. И уже дело провансальских контра-

бандистов найти запрещенный табак в условленном месте и взять его, оставив взамен его уплату деньгами или другим контрабандным товаром. В таком обмене никогда не бывает обмана. Всем известно, как сурово карает изменников всемогущая и всевидящая мафия.

Между мысом Табак и военным сигнальным маяком растянулось свободное тихое пространство моря.

– Вот здесь мы и начнем ловлю, – сказал капитан. Он спустил в воду на веревке большущий камень, а другой конец веревки привязал к корме: получился первобытный, но устойчивый якорь.

– Но прежде, – сказал папа Шарте, – прежде необходимо нам подкрепиться.

Исполнительный Фернанд быстро нырнул в трюм и так же быстро вынырнул из него с припасами: с холодным мясом и ветчиной, с пресной водой и бутылкой красного вина. Молодежь от вина отказалась, но мы с г. Шарте тяпнули по малой чашечке и, выпив, густо крякнули, как настоящие морские волки из Жюль Верна или Стивенсона.

Закусив, начали ловлю. Удочки у Шарте и у старшего сына были донные, как и мой первобытный «самолов», но их щегольской вид, их затейливое и сложное устройство, совсем для меня непонятное, ясно говорили о том, что эти рыболовные снасти куплены недавно в английском магазине и представляют собою аппараты модерн, новейшего образца, последнего крика моды.

Рыба клевала довольно часто, но – увы! – каждый раз наши крючки, вытасщенные из воды, оказывались либо с нетронутой наживкой, либо совсем пустыми. Милый Фернанд спокойно и молча наживлял моллюсками и свою и наши удочки.

Я пригляделся к их манере подсекать и наконец увидел и свою и ихнюю ошибку. Все мы, почувствовав клев, тащили удочку из воды широким, длинным и потому замедленным взмахом. И я вспомнил, что тридцать лет назад совсем, совсем другой сноровке учился я у беспорточных одесских мальчуганов, когда ловил вместе с ними, самоловом, жирных бычков на молах Практическом и Карантинном и на Тендровской косе. Тогда я не держал сигнальную бечевку в руке, – нет, она у меня лежала, слегка придерживаемая большим пальцем, и беспрестанно чувствовал легкое прикосновение, внизу, грузила к подводным камешкам, и леска у меня всегда была полунатянутой. Быстрый клев жадного бычка мгновенно дает о себе знать чуткому указательному пальцу, и в тот же самый миг послушный палец делает быстрое короткое дергающее движение вверх. И – готово...

Бычок – есть! Сначала тяжелеет бечевка, потом и сам, наравшийся на зубчатое острие, лобастый бычок упирается и трепещет, влекомый кверху.

Так все дело в быстроте рефлекса. Известно, как молниеносны рефлексy у диких животных; у домашних чуть-чуть слабее, но даже у уличных мальчишек они еще удивитель-

но сильны. Потому-то одесские мальчуганы и ловят бычков сотнями за какие-нибудь два часа, и потом, продав их рыбнику по копейке за десять штук, блаженствуют поджаренными семечками и халвой.

Трудно было мне, после долгой отвычки, вспомнить и воскресить в пальцах эти почти инстинктивные рефлексy. Наконец-то тяжесть бечевки и ее судорожные колебания дали мне знать об успехе. Вытянул я белую в крапинках, небольшую, но тяжелую рыбку, необычайно колючую.

– О! Мсье! Поздравляю вас! Знаете ли вы, что эта рыба очень ценная и редкая? Называется она «раскасс»...

А потом пошло и пошло... Не знаю, место ли попалоcь нам такое уж раскассистое, или для меня подошла пора удачи, в самом деле, ко мне вернулся второй бессознательный разум, но «раскаcсы» так и лезли на мои крючки, и ни один не уходил.

Фернанд сумел приглядеться ко мне. Он поймал одного «раскасса» и два мелких окунька. Папа ничего не словил. Он поглядел из бинокля на маяк и сказал, что там вывешен сигнал, извещающий о перемене погоды к буре: «Так не лучше ли нам будет убраться своевременно? Здесь ветер мистраль, и штормы в этих местах крайне опасные».

Фернанд дорожyю пересчитал мою добычу: оказалось девятнадцать «раскассов», один окунек и пять каких-то маленьких рыбок. Капитан не позволил мне грести, и все вре-

мя называл меня «le roi de la pêche»². В тоне его не было зависти. Но мне стало немного грустно.

Для чего, в самом деле, не устоял перед рыболовной жадностью? Ну, привезли бы мы по одной какой-нибудь рыбке, и опять продолжалась наша невинная дружелюбная игра в морских волков...

Я так и знал, что на берегу г. Шарте откажется от дележа добычи и заставит меня взять все, что я наловил. Но я не мог предполагать, чтобы он меня совсем списал с корабля «Марсель». В те дни, которые мне еще пришлось прожить на мысе Гурон, трое мореходов Шарте нередко выходили в море. Я с ними кланялся, даже разговаривал. Мсье Шарте неизменно называл меня «королем ловли», но уже на борту своего судна не пригласил никогда.

А уха из чертова «раскасса» оказалась все-таки превосходной, жирной, вкусной и крепкой.

---

² Король рыбной ловли (*фр.*).